

Изъ воспоминаній Прусскаго военнаго агента въ Вѣнѣ въ 1853—1854 г.

За послѣднюю четверть вѣка историческая литература на Западѣ обогатилась такимъ громаднымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ мемуаровъ, записокъ и дневниковъ лицъ, игравшихъ не только первенствующія роли въ политическихъ и военныхъ событіяхъ XIX столѣтія, но въ особенности второстепенныхъ, часто мало извѣстныхъ, ихъ участниковъ, что многое изъ этого крайне цѣннаго, но слишкомъ обширнаго, матеріала невольно ускользаетъ отъ вниманія. Между тѣмъ нерѣдко именно въ тѣхъ запискахъ и воспоминаніяхъ, которыя принадлежатъ перу лицъ, стоявшихъ на второмъ планѣ и дѣятельность которыхъ ограничивалась предѣлами опредѣленной служебной сферы, мы встрѣчаемъ страницы, совершенно неожиданно освѣщающія то или другое событіе исторической важности во многихъ отношеніяхъ иначе, чѣмъ это дѣлалось до того, и знакомящія съ обстоятельствами, дотолѣ неизвѣстными, которыя несомнѣнно могли бы имѣть въ свое время существенное вліяніе на разрѣшеніе весьма крупныхъ политическихъ вопросовъ. Къ числу такихъ произведеній слѣдуетъ отнести изданные въ 1897 году четыре тома записокъ принца Крафта Гогенлоэ-Ингельфингенъ ¹⁾. Авторъ, принадлежа къ одной изъ четырехъ вѣтвей столь извѣстнаго въ Германіи рода князей Гогенлоэ, началъ службу въ прусской гвардейской артиллеріи, съ которой участвовалъ въ усмиреніи мартовскихъ беспорядковъ

¹⁾ Aus meinem Leben. Aufzeichnungen des Prinzen Kraft zu Hohenlohe-Ingelfingen. Berlin. 1897. 4 B.

въ Берлинѣ въ 1848 г., окончилъ курсъ военной академіи. былъ временно командированъ въ Вѣну въ 1854 г. и засимъ много лѣтъ состоялъ въ качествѣ приближеннаго флигель-адъютанта при короляхъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV и Вильгельмѣ I. впоследствии императорѣ. Дальнѣйшая служба Г. была посвящена артиллеріи, съ которой онъ, сначала какъ командиръ гвардейскаго артиллерійскаго полка, засимъ бригады и наконецъ всей осадной артиллеріи подъ Парижемъ, былъ непосредственнымъ и дѣятельнымъ участникомъ кампаній 1866 и 1870 гг. Въ 1872—1879 г. онъ командовалъ дивизіей, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-адъютантомъ. Послѣднія двѣнадцать лѣтъ Г. прожилъ въ отставкѣ и скончался въ 1892 г.

Въ чрезвычайно живомъ и увлекательномъ изложеніи рисуетъ Г. яркія картины прусской военной жизни и обстановки берлинскаго двора за продолжительный періодъ съ 1845 по 1880 г. и не разъ раскрываетъ закулисныя подробности придворныхъ, политическихъ и военныхъ интригъ, остававшихся не безъ вліянія на крупныя событія внутренней жизни Пруссіи и Германіи, а также и на международныя отношенія.

Но изъ всего крайне любопытнаго разсказа пр. Гогенлоэ для насъ представляетъ особый интересъ одинъ, сравнительно весьма краткій, періодъ его служебной дѣятельности. А именно время, проведенное имъ въ качествѣ военнаго агента или военнаго аташе при прусской миссіи въ Вѣнѣ съ іюня 1854 — по октябрь 1855 г. ¹⁾ Командировка эта явилась для него неожиданной въ то время, какъ онъ, по окончаніи курса военной академіи, несъ вновь фронтную службу въ одной изъ конныхъ батарей гв. артиллерійскаго полка. Между тѣмъ моментъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ представлялся крайне сложнымъ. Разрывъ Россіи съ Турціей, Франціей и Англіей былъ уже совершившимся фактомъ, и наши войска занимали Дунайскія княжества, Австрія готовилась къ вмѣшательству и для Пруссіи предстояло въ ближайшемъ будущемъ опредѣлить свое отношеніе къ надвигавшимся грознымъ событіямъ. Первый шагъ, въ этомъ отношеніи уже былъ ею сдѣланъ заключеніемъ въ апрѣлѣ 1854 г. съ Австріей особой конвенціи. При этомъ съ 1850 г., когда только энергичное вмѣшательство Императора Николая Павловича предупредило казавшееся неминуемымъ столкновение Пруссіи и Австріи, Пруссія не имѣла своего военнаго представителя въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ не имѣли.

¹⁾ Aus meinem Leben, B. I. SS. 242—380.

какъ говоритъ Г., ни малѣйшаго понятія о положеніи австрійской арміи. Тѣ данныя, которыя ему дали въ военномъ министерствѣ, и вопросные пункты, касавшіеся мѣстъ расположенія различныхъ австрійскихъ полковъ и частей, рѣшительно нигде негодились, такъ какъ касались прежней организаціи и дислокаціи, давно въ корнѣ измѣненныхъ. Не лучше обстояло дѣло съ тѣми инструкціями, которыя онъ получилъ при своемъ отъѣздѣ. Король его милостиво отпустилъ, сказавъ только „до свиданья, веселитесь хорошенько въ Вѣнѣ“. Въ генеральномъ штабѣ ему сказали, что онъ самъ увидитъ на мѣстѣ, что представляетъ наиболѣе интересный матеріалъ для его сообщеній, при чемъ военный министръ, на вопросъ, представляется ли возможнымъ пользоваться въ Вѣнѣ какими-либо официальными свѣдѣніями по военной части, замѣтилъ, что для него безразлично, гдѣ лицо, пишущее свои донесенія, находитъ надлежащіе источники, и улыбаясь прибавилъ, что „въ Австріи можно все узнать, если умѣешь ухаживать за женщинами“. вмѣстѣ съ тѣмъ для Г. осталось неяснымъ, кому непосредственно онъ долженъ адресовать свои донесенія и черезъ кого ихъ представлять. По словамъ военнаго министра онъ только формально подчиненъ посланнику, который долженъ прочитывать его донесенія до ихъ отправленія, но въ остальномъ онъ, Г., совершенно самостоятеленъ. А кому донесенія должно адресовать, того военный министръ не зналъ и сказалъ, что Г. это узнаетъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ. Этотъ послѣдній, заявляя Г., что онъ состоитъ подъ начальствомъ посланника и слѣдовательно министерства иностранныхъ дѣлъ, сказалъ, что онъ въ Вѣнѣ узнаетъ, какъ это все нужно дѣлать.

Предоставленный такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ собственному усмотрѣнію, въ области, ему вполне чуждой, Г. не безъ смущенія прибылъ въ Вѣну. Тамъ онъ былъ встрѣченъ замѣнявшимъ посланника секретаремъ гр. Флеммингомъ болѣе чѣмъ холодно, который на вопросъ, къ кому онъ долженъ отправлять свои донесенія, сказалъ ему: „намъ вообще до васъ нѣтъ никакого дѣла. Вы можете писать кому и что хотите. Намъ предписано не вмѣшиваться въ ваши дѣла. Въ Берлинѣ желаютъ знать кое-что по военной части—мы и будемъ вамъ сообщать, что имѣемъ, а вы этими свѣдѣніями распорядитесь по вашему усмотрѣнію“.

Къ этимъ мало обѣщающимъ въ будущемъ словамъ гр. Флеммингъ прибавилъ, что въ сущности въ сферѣ военной ничего интереснаго нѣтъ и что императору можно будетъ представиться

лишь на ближайшемъ придворномъ балу въ февраль мѣсяцѣ, и засимъ передалъ Г. нѣсколько своихъ визитныхъ карточекъ, которыя Г. вмѣстѣ со своими долженъ былъ оставить у лицъ дипломатическаго корпуса. Что касается военныхъ властей, то гр. Флеммингъ никого не зналъ.

Открывшаяся перспектива съ іюня по февраль, т.-е. болѣе шести мѣсяцевъ оставаться внѣ всякаго общенія именно съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ онъ долженъ былъ работать, показала Г. настолько ненормальной, что онъ, не долго думая, надѣлъ парадную форму и явился ко всѣмъ старшимъ военнымъ начальникамъ. Всѣми онъ былъ встрѣченъ чрезвычайно любезно, и они вызвались, каждый по своей части, сообщать ему все, что онъ признаетъ нужнымъ, такъ какъ, говорили они, между двумя арміями, которыя объединены союзнымъ договоромъ, заключеннымъ въ апрѣлѣ 1854 г., не можетъ быть тайнъ. Генераль-адъютантъ императора гр. Грюне приказалъ приготовить Г. лошадь изъ императорской конюшни и черезъ два дня на парадѣ представилъ его императору Францу Іосифу. Когда Г. съ парада заѣхалъ въ мундирѣ къ гр. Флеммингу и сталъ ему говорить о тѣхъ непосредственныхъ отношеніяхъ, которыя у него установились съ военнымъ міромъ, и о своемъ представленіи императору, то дипломатъ почти упалъ въ обморокъ.

Приступивъ къ работѣ и поставивъ себѣ ближайшею задачею выяснить составъ и наличную силу австрійской арміи, какъ союзной, Г. встрѣтился съ почти неодолимыми препятствіями. Все касающееся этой стороны дѣла держалось въ самой строгой тайнѣ. Издававшійся ежегодно списокъ военныхъ чиновъ (Schematismus) былъ такъ составленъ, что о составѣ корпусовъ, дивизій и бригадъ нельзя было получить надлежащаго представленія, такъ какъ въ спискѣ генераловъ не указывались части, которыми они командуютъ, равно какъ и мѣста расположенія войскъ. При этомъ, согласно принятому порядку, черезъ каждые два года эти мѣста для всѣхъ частей мѣнялись, и тѣмъ самымъ измѣнялся и составъ бригадъ, дивизій и корпусовъ. Наконецъ, самый списокъ издавался именно въ періодъ перемѣщенія войскъ, такъ что его свѣдѣнія относились всегда къ прошлому, а не настоящему. Независимо отъ сего оказывалось, какъ въ этомъ Г. наглядно убѣдился на первомъ парадѣ, что число батальоновъ и ротъ въ полкахъ было различно. Онъ видѣлъ полки съ 3, 4, 5 и 6 батальонами, батальоны въ 4 и 6 ротъ, а роты въ составѣ 110 и 45 рядовъ.

Тѣмъ не менѣе путемъ весьма кропотливаго разбора самаго разнообразнаго матеріала. Г. установилъ, что значительная часть полковъ были въ движеніи къ восточнымъ границамъ и, считая, что, въ виду апрѣльской конвенціи, для Пруссіи представлялось совершенно необходимымъ имѣть точныя свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія австрійской арміи вообще, Г. обратился съ прямымъ вопросомъ объ этомъ къ начальнику Генеральнаго штаба генералу Наги, объяснивъ ему причины, его къ сему побудившія. Такое прямое обращеніе привело генерала въ чрезвычайное смущеніе. Заявивъ, что лично онъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе Г. о томъ, что между союзными арміями не должно быть ни малѣйшихъ тайнъ, начальникъ штаба рѣшительно отказался что-либо сообщить, за неимѣніемъ на то разрѣшенія и дружески посовѣтывалъ Г., если онъ желаетъ сохранить добрыя отношенія къ австрійскимъ военнымъ властямъ, болѣе съ такими вопросами никуда не обращаться. При этомъ, однако, генералъ Наги обѣщалъ прислать ему все то, съ чѣмъ по этой части оказалось бы возможнымъ его ознакомить. И дѣйствительно на другой день прислалъ экземпляръ новаго Положенія о санитарной части въ арміи. Такой неожиданный результатъ первой же попытки къ разрѣшенію возложенной на него задачи, которую Г. понималъ, какъ установленіе ближайшей связи между союзными прусской и австрійской арміями, заставилъ его усомниться въ искренности этого союза и заподозрить существованіе у австрійцевъ намѣреній, которыя они желали скрывать отъ своего союзника.

Продолжая, однако, и при этихъ неблагоприятныхъ условіяхъ свои розыски и разслѣдованія, Г. постепенно выяснилъ, что около шести армейскихъ корпусовъ направлены на востокъ. Случайными и невольными сотрудниками въ этой работѣ явились для него прежде всего нѣкоторые изъ старшихъ начальниковъ тѣхъ частей, которыя входили въ составъ мобилизованной арміи. Менѣе замкнутые, чѣмъ молодые офицеры вообще и Генеральнаго штаба въ особенности, они, наѣзжая въ Вѣну, перѣдко, не стѣсняясь, говорили въ клубѣ о полученныхъ приказаніяхъ и о передвиженіяхъ ввѣренныхъ имъ частей. Такъ, славившійся въ то время, какъ выдающійся начальникъ кавалеріи, командиръ кавалерійскаго корпуса, кн. Алоизъ Лихтенштейнъ громко рассказывалъ о томъ, что онъ внезапно получилъ приказаніе быстро двинуться въ Гурани-Гура въ Галиціи и что его полки съ 12 іюля уже въ движеніи, а къ 25 авгу-

ста будутъ на мѣстѣ. Пользуясь такими разговорами, при которыхъ онъ всегда дѣлалъ видъ, что они его не касаются, Г. и дополнялъ и провѣрялъ свои данныя. Въ итогѣ онъ давали возможность вполне опредѣленно констатировать, что съ одной стороны шесть армейскихъ корпусовъ и одинъ спеціально кавалерійскій были собраны около Черновицъ въ Буковинѣ и должны были 25 августа быть вполне готовы къ наступленію. Кромѣ того армія въ 60.000 подъ командой фельдмаршала-лейтенанта Коронини стояла на границѣ Семиградія. Расположеніе этихъ армій вполне ясно указывало и характеръ предстоящихъ имъ дѣйствій—первая, очевидно, имѣла назначеніемъ ударить въ тылъ русскимъ, занятымъ въ Крыму, а вторая предназначалась для вступленія въ Валахію.

Когда Г., которому эта угрожающая картина была вполне ясна, счелъ необходимымъ познакомиться съ ней особо командированнаго въ Вѣну спеціально по восточнымъ дѣламъ, въ качествѣ экстраординактора посланника гр. Альвенслебена, замѣнявшаго отсутствовавшаго постоянного представителя Пруссіи, графа Арнима, то Альвенслебенъ совершенно спокойно замѣтилъ: „Ну ужъ и наразсказали же вамъ молодые австрійскіе офицеры небылицъ“. Когда же Г. старался ему подробно объяснить дѣйствительное положеніе дѣла, на основаніи всѣхъ имѣвшихся у него свѣдѣній, Альвенслебенъ заявилъ, что всего этого не можетъ быть, такъ какъ наканунѣ еще австрійское правительство дало и Россіи и Пруссіи самыя положительныя завѣренія своего миролюбія. Наконецъ, на почтительное замѣчаніе Г. о томъ, что правительство страны, которой никто не угрожаетъ, которая старается увѣрить всѣхъ въ своемъ миролюбіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ строжайшей тайнѣ занята серьезными приготовленіями къ войнѣ, — вѣроятно готовить какой-нибудь внезапный и рѣшительный ударъ — посланникъ отвѣчалъ громкимъ смѣхомъ и тутъ же отказалъ Г. и въ секретномъ шифрѣ, который онъ просилъ для своего донесенія и посылкѣ въ Берлинъ особаго курьера. Тѣмъ не менѣе Г. снѣшно отправилъ своему начальству всѣ имѣвшіяся у него свѣдѣнія вмѣстѣ съ тѣми выводами, къ которымъ онъ пришелъ. Но потомъ онъ узналъ, что надъ этимъ его донесеніемъ отъ 1 августа въ Берлинѣ много смѣялись и автора считали за человѣка, всюду видящаго привидѣнія. Смѣхъ этотъ, однако жъ, скоро смѣнился другимъ чувствомъ, говоритъ Г., когда сталъ извѣстнымъ союзный договоръ, заключенный Австріей 10 августа съ Франціей и Англіей, въ которомъ опредѣлялись условія

наступательныхъ дѣйствій Австріи противъ Россіи, когда засимъ въ концѣ августа Австрія обратилась къ русскому правительству съ требованіемъ объ очищеніи Дунайскихъ княжествъ и когда 6 сентября фельдмаршалъ Гессъ вступилъ во главѣ австрійскихъ войскъ въ Бухарестъ.

Почти тотчасъ послѣ отправки этого, раскрывавшаго тайны замыслы Австріи, до есенія, Г. сталъ замѣчать со стороны австрійскихъ офицеровъ еще значительно большую сдержанность, любезныя товарищескія отношенія замѣнились холодной вѣжливостью. Подозрѣвая, что тѣмъ или инымъ путемъ посылаемыя имъ въ Берлинъ свѣдѣнія стали извѣстны, Г., только много времени спустя узналъ, что одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ Прусскаго посольства былъ уличенъ, значительно позже, когда Г. уже давно оставилъ Вѣну, въ систематической передачѣ австрійскому правительству всей переписки своего начальства съ Берлиномъ. Одновременно съ такой перемѣной въ обращеніи, за Г. былъ установленъ тщательный надзоръ въ видѣ особаго агента, неуклонно слѣдовавшаго за нимъ въ извѣстномъ разстояніи и такъ какъ это было всегда одно и то же лицо, то такое любезное попеченіе о представителѣ союзной арміи очень скоро было имъ замѣчено.

Выполненіе возложенной на Г. задачи было весьма труднымъ при подобныхъ условіяхъ, но онъ, какъ человѣкъ несомнѣнно настойчивый и энергичный, пользовался всѣмъ ему доступнымъ, чтобы держать военное управленіе въ Пруссіи въ курсѣ происходившаго въ средѣ австрійской арміи и сообщалъ все, что ему удавалось видѣть и слышать. Такъ, присутствуя на смотрахъ и ученіяхъ войскъ вѣнскаго гарнизона, осматривая арсеналь и разными путями проникая часто и въ то, что тщательно скрывалось, онъ обо всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ доносилъ въ Берлинъ. Рядомъ съ этимъ большой интересъ представляло для него личное знакомство съ тѣми лицами высшаго командованія австрійской арміи, покрытыми славой войнъ 1848 и 1849 г.г., на которыхъ мы, въ Пруссіи, говоритъ Г., привыкли смотрѣть съ особымъ уваженіемъ и даже завистью, но тутъ же восклицаетъ: „Кто вернетъ мнѣ мои илюзіи“! Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ такого знакомства съ генералами Гессомъ, Кламъ-Галласомъ, княземъ Лихтенштейномъ, княземъ Владишгрецомъ и другими, за исключеніемъ перваго, въ которомъ нельзя было отрицать нѣкоторыхъ серьезныхъ качествъ военнаго начальника, было печальное. Особенно поражало почти полное невѣжество иногда даже въ

самой элементарной теоріи военнаго дѣла. Всѣ эти лица и многія другія, принадлежащія къ высшей австрійской аристократіи, ставили иногда въ тупикъ своими замѣчаніями или вопросами. Послѣ очень долгаго и подробнаго объясненія, сдѣланнаго Г. по просьбѣ одного генерала, введенной въ Прусской арміи военной игры, генераль этотъ спросилъ его: „такъ какъ же, значить вы играете“? Т. е. я хочу сказать, продолжалъ генераль, „какъ вы назначаете ставку, по которой играете“? Совершенно удивленный Г. отвѣтилъ, что въ эту игру на деньги не играютъ. „Какъ, не на деньги? но вѣдь тогда это не имѣетъ никакого интереса“, замѣтилъ генераль. Звѣзды первой величины, какими казались издалека фельдцейхмейстеръ Аугустинъ, знаменитый изобрѣтатель австрійскихъ ракетъ, пугавшихъ сначала венгерцевъ въ 1849 г., но засимъ какъ никуда и ни во что не попадавшихъ, скоро совершенно заброшенныхъ, былъ старый бюрократъ съ круговоромъ бомбардира XVIII столѣтія, а фельдмаршалъ баронъ Рейшахъ, про подвиги котораго рассказывали чудеса. былъ несомнѣнно лично храбрый генераль, но не имѣвшій никакихъ общихъ представленій о войнѣ и проводившій свое время въ клубѣ, поглощая коньякъ большими стаканами. Конечно, въ управленіи арміи долженъ былъ быть и другой элементъ, на которомъ и лежала вся дѣйствительная работа. Но онъ состоялъ, по словамъ Г., большей частью изъ людей сравнительно темнаго происхожденія и авантюристовъ. Все интендантство, начиная съ его главы, фельдмаршала-лейтенанта барона Эйнатена, въ послѣдствіи застрѣлившись, настолько было извѣстно своими злоупотребленіями, что фельдцейхмейстеръ графъ Вимфенъ однажды совершенно спокойно доказывалъ, что девять фунтовъ овса въ день на лошадь слишкомъ мало, такъ какъ, если установить эту норму, то лошадь изъ нихъ въ дѣйствительности получить максимумъ пять. При ближайшемъ знакомствѣ и со строевымъ составомъ австрійской арміи оказывалось, что тотъ блескъ, въ которомъ ее представляли историческія работы австрійскаго генеральнаго штаба, описывавшія войны 1848 и 1849 г.г., значительно померкъ. Съ конца 1849 г. ее пришлось почти заново формировать, такъ какъ цѣлыя полки, главнымъ образомъ венгерскіе, совершенно исчезли. Создавшійся вслѣдствіе сего большой некомплектъ офицеровъ въ значительной степени сталъ пополняться иностранцами и большею частью элементомъ мало желательнымъ. Изъ германскихъ государствъ шли тѣ, кто по разнымъ обстоятельствамъ не могли продолжать служить у себя дома. Было и не

мало англичанъ. Такъ что, говоритъ Г., встрѣчались цѣлые полки, въ которыхъ корпусъ офицеровъ носилъ характеръ международный.

При постоянно расширявшемся кругѣ знакомыхъ въ дипломатическомъ корпусѣ и вѣнскомъ обществѣ и при болѣе близкомъ съ нимъ общеніи, мнѣ скоро стала вполне ясна, говоритъ Г., установившаяся здѣсь точка зрѣнія на Пруссію. Несмотря на семилѣтнюю войну, въ которой Австрія почувствовала возникавшую силу и значеніе Пруссіи, несмотря на то, что престижа Германской Императорской короны уже не существовало, несмотря, наконецъ, на прусскія побѣды и военные успѣхи въ 1813 и 1814 г.г., создавшіе Пруссію положеніе великой державы, на нее въ Вѣнѣ и правительство и общество смотрѣло, какъ на вассальное государство. И даже такъ называемая прусская партія (въ арміи къ ней принадлежали Радецкій и Виндишгрецъ) разсматривала могущія потребоваться совмѣстныя дѣйствія Пруссіи и Австріи исключительно въ интересахъ послѣдней, при чемъ считалось, что Пруссія обязана жертвовать послѣднимъ солдатомъ и послѣднимъ талеромъ. Отношеніе къ Пруссіи и ко всемъ другимъ германскимъ государствамъ со стороны Австріи имѣло патриархальный характеръ отеческаго. Такъ что, когда говорили о только-что заключенной съ Пруссіей конвенціи 20 апрѣля, то въ Вѣнѣ хвалили прусское правительство нѣсколько свысока, признавая его поведеніе корректнымъ, какъ родители хвалятъ дѣтей, когда они себя хорошо ведутъ. Впрочемъ, къ такому не особенно лестному для Пруссіи отношенію, она, съ 1815 г. слѣпо слѣдуя велѣніямъ Меттерниховской политики и своей податливостью при послѣднемъ столкновеніи въ 1850 г., — сама приучила Австрію.

Съ грустнымъ чувствомъ отдавая себѣ во всемъ этомъ отчетъ, говоритъ Г., я совершенно откровенно высказалъ пріѣхавшему въ половинѣ іюля съ особымъ порученіемъ флигель-адъютанту короля Фридриха-Вильгельма Мантейфелю, впоследствии фельдмаршалу, такъ же, какъ и я раньше мечтавшему о возможности тѣснаго Прусско-Австрійскаго союза, что я въ возможность такового пересталъ вѣрить и что мы только тогда приобрѣтемъ въ глазахъ австрійскаго правительства и общества надлежащее уваженіе, какъ равные, когда мы ихъ сначала хорошенько побьемъ. Мантейфель тогда считалъ этотъ взглядъ результатомъ излишней страстности молодого офицера, но черезъ полтора года онъ призналъ его вполне вѣрнымъ, приба-

вивъ: „Вы были правы. Здѣсь намъ нужно бить, иначе, мы ничего не значимъ“.

Разительное и наглядное доказательство именно такихъ отношеній къ Пруссіи, продолжаетъ Г., не заставило себя ждать. 11 августа 1854 г. Австрія заключила съ Франціей и Англіей договоръ, имѣвшій несомнѣнно враждебный по отношенію къ Россіи характеръ, безъ всякаго о томъ предварительнаго предупрежденія Пруссіи. Тѣмъ самымъ договоръ съ сей послѣдней отъ 20-го апрѣля, устанавливавшій нейтралитетъ этихъ обонхъ государствъ, былъ односторонне нарушенъ. И все это было сдѣлано въ самой полной тайнѣ, и прусскій чрезвычайный посланникъ въ Вѣнѣ объ этомъ ничего не зналъ. Между тѣмъ эта постоянная таинственность, въ которую австрійцы старались облекать свои политическія дѣйствія и военныя приготовленія, имѣла и свои комическія стороны. Приготовленія эти происходили почти на глазахъ у всѣхъ, и, проводя ежедневно по нѣсколько часовъ на сѣверномъ вокзалѣ, я могъ, говорить Г., видѣть весьма близко всѣ тѣ части и военные транспорты, которые ежедневно отправлялись. Личныя наблюденія Г. надъ отдѣльными, проходившими передъ его глазами при разныхъ условіяхъ частями, сводятся къ тому, что пѣхота стояла на очень низкой степени строевого и полевого образованія. Вооруженіе было старое; проектированное нарѣзное ружье Лоренца еще было въ періодѣ опытовъ. Столь знаменитую кавалерію Г., къ его большому удивленію, нашелъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, и онъ долго колебался прежде, чѣмъ рѣшился высказаться по этому вопросу въ своихъ дописаніяхъ. Главнѣйшіе недостатки—малая подвижность и выносливость, отсутствіе надлежащаго спокойствія въ движеніи и сплоченности объяснялись какъ сложнымъ и тяжеловѣснымъ уставомъ, сложными и утомительными приѣмами обученія, такъ и въ значительной степени системой хозяйственнаго довольствія и безконечными въ немъ злоупотребленіями. Артиллерія, при стрѣльбѣ которой Г. не разъ присутствовалъ, руководилась офицерами, обремененными теоретическими познаніями, стоявшими еще на уровнѣ обученія XVIII вѣка и стрѣляла плохо. Только за два года передъ тѣмъ батареи получили свои запряжки, до того орудія вывозились въ походъ лошадьми изъ особыхъ конныхъ парковъ. Маневрированія отрядовъ, составленныхъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, имѣли характеръ совершенно дѣтскихъ упражненій. Все впередъ было точно указано и предписано, и совершенно опредѣленно установлены мо-

менты побѣдъ и пораженій въ отдѣльныхъ пунктахъ тѣхъ или другихъ частей.—Отсюда такія картины: сѣверный отрядъ защищаетъ такую-то позицію, усиливая особенно свой правый флангъ. По распisanію непріятель ведетъ сначала атаку на этотъ флангъ и будучи отбитъ наступаетъ засимъ на лѣвый, болѣе слабый флангъ, который въ свою очередь долженъ отступить. Такъ какъ эти движенія впередъ указаны, то атакующій позицію, зная, что его атака на правый флангъ позиціи должна быть отбита, въ дѣйствительности посылаетъ ничтожное число батальоновъ, такъ какъ зачѣмъ же имъ напрасно ходить взадъ и впередъ, а защищающій позицію, зная, что при движеніи непріятеля на его правый флангъ онъ непремѣнно долженъ отступить, тотчасъ же снималъ свою артиллерію, чтобы она потомъ не попала въ руки непріятеля, который въ данномъ мѣстѣ непремѣнно долженъ имѣть успѣхъ.

Въ концѣ августа мнѣ удалось, говорить Г., совершенно случайно достать общій списокъ всѣхъ полковъ австрійской арміи и, пользуясь этимъ, я засѣлъ за составленіе общаго распisanія австрійскихъ войскъ съ указаніемъ мѣстъ ихъ расположенія. Работа была чрезвычайно сложна, такъ какъ прямыхъ источниковъ почти не было и приходилось основываться на массѣ разнообразныхъ данныхъ, собранныхъ косвенными путями—газетъ, случайныхъ разговоровъ, личныхъ наблюденій. Къ этому за послѣднее время прибавился для Г. еще новый развѣдочный источникъ: нѣкій І., со времени венгерской кампаніи состоявшій на службѣ русскаго посольства по части шпионажа и предложившій и Г. свои услуги. Но свѣдѣнія І. являлись недостаточными. Слишкомъ мало матеріала можно было находить и въ случайныхъ бесѣдахъ съ военными въ клубѣ. Та сдержанность, которую, какъ уже было раньше сказано, Г. замѣчалъ со стороны молодыхъ офицеровъ, со временемъ все усиливалась, какъ оказалось потомъ, вслѣдствіе особаго приказанія высшаго начальства, непріятно пораженнаго тѣми свѣдѣніями, которыя Г. все-таки подчасъ обнаруживалъ въ своихъ разговорахъ. Такимъ образомъ ближайшее общеніе съ кругомъ молодыхъ офицеровъ ничего интереснаго не давало и въ будущемъ мало обѣщало. Такое чувство предубѣжденія было довольно тягостно, и Г. постепенно отстранялся отъ этого рода общества, сохраняя однако самыя лучшія свѣтскія отношенія съ его членами. Въ концѣ концовъ однако онъ все-таки нашелъ то, что искалъ, благодаря непредвидѣнному случаю, которымъ онъ весьма умѣло воспользовался. Въ сентябрѣ

мѣсяцѣ пріѣхала изъ Берлина на гастроли извѣстная танцовщица Тальони, имѣвшая громаднѣйшій успѣхъ въ Вѣнѣ. Очень скоро стала она и центромъ великосвѣтской военной молодежи при своеобразной обстановкѣ. Живя съ родителями и сестрой, она пользовалась самой безупречной репутаціей, но, будучи весьма привлекательной, была постоянно окружена сонмомъ поклонниковъ, не терявшихъ надежды на ея особое благорасположеніе и ежевечерно собиравшихся въ ея салонѣ, который, по установившемуся тамъ тону самаго изысканнаго приличія, ничѣмъ не отличался отъ великосвѣтскаго. Вотъ здѣсь, говоритъ Г., при непринужденныхъ разговорахъ, которые молодые адъютанты и ординарцы главныхъ военныхъ начальниковъ вели между собою, забывая о моемъ присутствіи, разговоровъ больше на тему военной злобы дня и продолжавшихся часто за полночь, такъ какъ собравшееся у Тальони общество обыкновенно заканчивало свою бесѣду въ ресторанѣ Захера, я узнавалъ все, что мнѣ было нужно, ничего не спрашивая и не показывая вида, что я что-нибудь слышу. Такъ, благодаря такому совершенно своеобразному інформаціонному бюро, Г. узналъ вечеромъ одно секретное распоряженіе по арміи, когда еще черновикъ приказа не былъ составленъ. Объ этихъ вечерахъ у Тальони много говорили въ вѣнскомъ обществѣ, но разговоры эти были только полезны для Г., такъ какъ съ одной стороны о немъ составилось мнѣніе, что онъ гораздо болѣе занятъ ухаживаніемъ за танцовщицей, чѣмъ желаніемъ проникнуть въ тайны австрійской политики, а съ другой, такое препровожденіе времени его тѣснѣе связывало съ тѣмъ именно кругомъ лицъ, которыя ему наиболѣе были нужны.

Занявъ княжества, австрійская армія расположилась широкимъ полукругомъ, имѣя правый флангъ у Кракова, а лѣвый у Краіовы и хотя политическій горизонтъ по отношенію къ выступленію Австріи былъ болѣе ясенъ, тѣмъ не менѣе, говоритъ Г., въ теченіе октября замѣчалось въ арміи много разнообразнаго движенія. Не совсѣмъ понятныя для него сначала многочисленныя отправки тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій скоро объяснились намѣреніемъ превратить Краковъ, Лембергъ и Пршемысль въ укрѣпленные пункты на случай наступленія русской арміи изъ Царства Польскаго. Стараясь подробнѣе ознакомиться съ этимъ новымъ предпріятіемъ австрійцевъ, Г. скоро узналъ, что означенныя крѣпостныя орудія были только-что и очень спѣшно изготовлены, при чемъ такой спо-

собъ изготовленія всеяль не малыя опасенія относительно прочности самыхъ орудій. Снарядовъ для нихъ не было. Что же касается проектированныхъ укрѣпленій, то они были въ натурѣ только намѣчены и хотя ни одного вала еще не было насыпано, орудія уже разставлялись для того вѣроятно, чтобы русскіе шпіоны сообщили о новыхъ грозныхъ крѣпостяхъ. И армія была не въ лучшемъ положеніи. За недостаткомъ орудійныхъ ящиковъ, на орудіе было только по 20 снарядовъ въ передкѣ.

Пѣхота въ то же время была доведена до очень крупнаго военнаго состава, такъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ нѣкоторые полки были развернуты въ 6 батальоновъ, вмѣсто кадровыхъ трехъ. Но большая часть людей, призванныхъ подъ знамена, состояла изъ плохо обученныхъ рекрутъ, которые не могли бы выдержать серьезной кампаніи. Въ кавалеріи было много вновь созданныхъ полковъ, не имѣвшихъ надлежащей сплоченности и подготовки. Съ офицерскимъ корпусомъ дѣло обстояло весьма слабо. Ясно было, что при такихъ условіяхъ войны съ Россіей не начинають.

Мнѣ было также ясно, говоритъ Г., что командующій арміей фельдцейхмейстеръ Гессъ не могъ не отдавать себѣ отчета въ такомъ, далеко неудовлетворительномъ состояніи своихъ войскъ и что имѣлось въ виду подѣйствовать угрозой, которая, разъ уже заставившая русскихъ очистить Дунайскія княжества, могла и дальше при удачѣ создать для Австріи рѣшающее положеніе. безъ выстрѣла съ ея стороны.

Дѣло было рискованное и въ 1859 и 1866 г.г. эта тактика не удалась.

По пріѣздѣ фельдцейхмейстера Гесса изъ Бухареста въ Вѣну въ концѣ октября, стали распространяться новыя слухи о мобилизаціи всей арміи, о зимней кампаніи и въ военномъ министерствѣ замѣчалась оживленная дѣятельность. Я сталъ еще пристальнѣе наблюдать, говоритъ Г., но со всѣхъ сторонъ встрѣчалъ еще большую замкнутость. Случайный разговоръ съ секретаремъ французскаго посольства, который очень возбужденно доказывалъ, что наступаетъ моментъ, когда Франція, Англія и Австрія потребуютъ отъ Пруссіи категорическаго отвѣта о ея намѣреніяхъ, такъ какъ предпочтительнѣе имѣть яснаго врага, чѣмъ неопредѣленнаго союзника,—заставилъ меня быть осторожнѣе. Но въ тотъ же вечеръ въ обычномъ собраніи у Захера, когда тамъ собрались посѣтители Тальони, одинъ адъютантъ, пришедшій очень поздно изъ военнаго министерства, послѣ нѣ-

сколькихъ стакановъ вина сталъ говорить объ имѣющихся предположеніяхъ. По мѣрѣ того, какъ Г. его уговаривалъ не заниматься политическими вопросами и по мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, передъ Г. вся картина того, что австрійцы имѣютъ въ виду, становилась ясной. Они рѣшили запугать и Пруссію, чтобы тѣмъ самымъ окончательно завлечь ее въ союзъ противъ Россіи, которая тогда уже должна была бы подчиниться всѣмъ предъявленнымъ ей требованіямъ. Для сего, по словамъ нескромнаго офицера, въ Богеміи и Моравіи, т.-е. на границѣ Пруссіи, должна была быть образована новая армія въ 120.000 человекъ. Но такъ какъ армія подъ начальствомъ Гесса уже составила 280.000, Радецкій же изъ своей итальянской арміи не давалъ больше ни одного полка, а другихъ войскъ не было, то Богемская армія должна была числиться на бумагѣ въ составѣ 80 батальоновъ, доведенныхъ, по распространяемымъ нарочно слухамъ, до 120.000 человекъ. Въ дѣйствительности же тамъ могли бы быть собраны лишь запасные и пятые батальоны, общая сила которыхъ не могла превышать 30—40 человекъ. Вынужденный не отставать отъ тѣхъ, которые безсознательно раскрывали передъ нимъ столь важныя тайны, Г., хотя и выпившій болѣе обыкновеннаго, въ ту же ночь написалъ подробное донесеніе обо всемъ узнанномъ и на слѣдующее утро сообщилъ его посланнику, который, вначалѣ опять не повѣривъ, вечеромъ сказалъ, что и по его свѣдѣніямъ все это такъ. Такъ какъ однако моментъ былъ весьма серьезный и опасаясь, что сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ въ Берлинѣ повѣрятъ, когда уже будетъ поздно, а тѣмъ временемъ Пруссія можетъ быть поставлена въ положеніе, при которомъ ей, вовлеченной въ войну съ Россіей, въ концѣ концовъ придется расплачиваться за всѣхъ, Г., съ согласія посланника, тотчасъ же выѣхалъ въ Берлинъ для личнаго доклада.

Немедленно по прибытіи принятый королемъ, Г. подробно изложилъ положеніе дѣла и считалъ своимъ долгомъ указать, что если бы прусская армія была немедленно мобилизована, то при отсутствіи у Австріи свободныхъ силъ, которыя могли бы быть ей противопоставлены, и при большихъ разстояніяхъ, которыя южная армія Гесса должна была бы пройти, чтобы повернуть свой фронтъ противъ Пруссіи, прусскія войска черезъ мѣсяць могли бы быть въ Вѣнѣ. Наконецъ, что австрійцевъ нужно поколотить, чтобы заставить себя уважать.

Вполнѣ соглашаясь съ этой точкой зрѣнія, король, которому мысль о войнѣ съ Австріей вообще была тяжела, выражалъ

сомнѣніе въ возможности такого нападенія на своего союзника, съ которымъ онъ связанъ конвенціей 20 апрѣля. Но, сказалъ король, я на дняхъ сдѣлаю шагъ, который заставитъ Австрію или окончателно вмѣстѣ со мной сохрѣпить полный нейтралитетъ, или же освободитъ меня отъ условій конвенціи, и просилъ Г. предупредить объ этомъ посланника гр. Арнима, который не долженъ будетъ удивляться такому новому обращенію къ Австріи. Ближайшія его послѣдствія тотчасъ же обнаружатъ и его дѣйствительный смыслъ.

Одновременно съ возвращеніемъ Г. въ Вѣну, посланникъ гр. Арнимъ получилъ изъ Берлина приказаніе предложить австрійскому правительству дополнительную статью къ конвенціи 20 апрѣля, согласно коей Пруссія, для большаго обезпеченія австро-прусскаго нейтралитета, принимаетъ на себя обязательство притти Австріи на помощь всеми своими силами въ томъ случаѣ, если ея войска, находящіяся въ Дунайскихъ княжествахъ, подвергнутся нападенію.

Несмотря на все возраженія гр. Арнима, не понимавшаго такого явно невыгоднаго для Пруссіи обязательства, эта статья, въ которой австрійское правительство благосклонно усматривало желаніе своего вассала еще болѣе ровностно ему служить, была подписана 26 ноября. А 2 декабря случилось то, что предусматривалъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Австрія заключила формальный союзъ съ Франціей и Англіей, т.-е. черезъ 6 дней послѣ подписанія своего договора съ Пруссіей о совмѣстномъ нейтралитетѣ; она, не предупреждая своего союзника, вступила съ двумя другими государствами въ договоръ противоположнаго характера. Этимъ чаша переполнилась, гр. Арнимъ прекратилъ сношенія съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и всемъ членамъ посольства воспретилъ показываться гдѣ бы то ни было въ австрійскомъ обществѣ. Такое отношеніе поразило австрійскіе официальные круги, рассчитывавшіе на возможность обращенія съ Пруссіей по своему усмотрѣнію. Министра иностранныхъ дѣлъ гр. Арнимъ, подъ предлогомъ болѣзни, не принявъ, а фельдмаршалу Гессу, посланному къ нему императоромъ съ частнымъ визитомъ, онъ высказалъ свое частное мнѣніе, что на такое отношеніе Австріи къ Пруссіи можетъ быть только одинъ отвѣтъ—немедленный отъѣздъ его, посланника и объявленіе войны.

Изъ Берлина пришло приказаніе ни въ какія объясненія пока не входить, а когда тамъ была получена австрійская нота, возбуждавшая общій смѣхъ, чтобы Пруссія, на основаніи кон-

венціи 20 апрѣля о нейтралитетѣ, выставила на границѣ Царства Польскаго 200.000 армію, долженствующую дѣйствовать, согласно съ арміей фельдмаршала Гесса, Пруссія отвѣтила, что она себя отъ всякихъ обязательствъ считаетъ свободною.

Въ то же время Г. замѣтилъ, что прежнее полицейское наблюденіе за нимъ было усилено, и тотъ же агентъ вновь слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, не упуская его изъ виду ни въ театрахъ, ни въ ресторанахъ. Предположеніе, что такой усиленный надзоръ вызванъ его поѣздкой въ Берлинъ, должно было позднѣе уступить мѣсто иному объясненію дѣйствій полиціи. Такъ какъ несомнѣнно купленный австрійскимъ правительствомъ канцелярскій чиновникъ прусской миссіи сообщилъ о донесеніи Г. относительно движенія австрійскихъ войскъ, то военное начальство старалось разузнать, отъ кого изъ офицеровъ Г. могъ получать свѣдѣнія, и съ этой цѣлью наблюдало также за военными, съ которыми Г. встрѣчался. Это обнаружилось при одномъ весьма комическомъ случаѣ. Какъ-то вечеромъ большая компанія поклонниковъ Тальони собралась въ ея квартирѣ и при участіи ея родителей и сестры занималась невинной игрой въ лото, при чемъ играли на конфеты. Послѣ двухъ, трехъ часовъ такой забавы, гости отправились ужинать въ ресторанъ Захера. На другой день всѣ изъ бывшихъ на этомъ вечерѣ офицеры были вызваны въ комендантское управленіе, гдѣ имъ сдѣланъ былъ выговоръ за то, что они наканунѣ, какъ донесла полиція, вечеромъ въ квартирѣ Тальони, предавались азартной игрѣ. Потребовалось не мало труда, чтобы выяснить это недоразумѣніе, но при этомъ всѣ участники такого эпизода наглядно убѣдились, что за ними повсюду слѣдятъ. Когда засимъ одинъ изъ нихъ сообщилъ объ этомъ Г., то тотъ, искренно расхохотавшись, удивился, что обратившійся къ нему ротмистръ Д. до того не замѣчалъ постоянно сопровождавшаго его спутника, и предложилъ ему въ этомъ убѣдиться. Цѣлый вечеръ былъ для сего посвященъ. Но куда бы оба офицеры ни заходили, какіе бы отдаленные кварталы Вѣны они ни посѣщали—таинственный спутникъ не отставалъ.

Кончилось тѣмъ, что взбѣшенный австріецъ схватилъ агента за горло и при содѣйствіи двухъ городскихъ отправилъ въ полицейскій участокъ. Ни Г., ни ротмистра Д. никогда никто для объясненія этого поступка не вызывалъ, а черезъ нѣсколько дней таинственный незнакомецъ продолжалъ опять неутомимо слѣдовать за Г. Этому это наконецъ надоѣло, и онъ обратился

къ весьма смущенному начальнику Вѣнской полиціи съ просьбой принять мѣры къ тому, чтобы если подобнаго рода надзоръ не можетъ быть отмѣненъ, то по крайней мѣрѣ сдѣлать такъ, чтобы онъ, Г., его не замѣчалъ.

Послѣ категорическаго отказа Пруссіи отъ какихъ-либо совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріей, эта послѣдняя остановилась на полъ-пути, съ котораго потомъ и не сходила. Воинственный ея пылъ, который въ ней разжигали Франція и Англія, умѣрялся въ значительной степени очень не утѣшительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась армія. Тифъ и холера ее опустошали въ теченіе всей зимы, чему способствовали чрезвычайно дурныя условія расквартированія войскъ въ Галиціи. Командиръ одного изъ кирасирскихъ полковъ рассказывалъ Г., что у него къ концу зимы выбывшихъ изъ строя по болѣзни и за смертью оказалось на 10 человекъ больше того списочнаго состава, съ которымъ онъ вышелъ въ походъ, и несмотря на такую полную замѣну первоначальнаго состава, полкъ долженъ былъ быть отправленъ въ мѣсто своего постояннаго расположенія, при чемъ лошадей вели пѣхотные солдаты. Ко всему этому, говоритъ Г., присоединился и громко выражавшійся среди генераловъ и офицеровъ протестъ противъ войны съ Россіей, которая являлась въ ихъ глазахъ актомъ возмутительной неблагодарности со стороны Австріи, только-что передъ тѣмъ спасенной Императоромъ Николаемъ. Одинъ изъ наиболее уважаемыхъ и авторитетныхъ ветерановъ австрійской арміи фельдцейхмейстеръ Шликъ нарочно прибылъ въ Вѣну, чтобы доложить императору объ этомъ настроеніи. Фельдмаршалъ Радецкій писалъ о томъ же изъ Вероны, а фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ, не стѣсняясь, энергично выражался въ томъ же смыслѣ въ вѣнскихъ военныхъ кругахъ и салонахъ.

Этимъ собственно ограничивается то, что въ запискахъ Пр. Г. имѣетъ непосредственное отношеніе къ Россіи изъ пережитаго имъ въ Вѣнѣ и вынесенныхъ имъ оттуда впечатлѣній. Но картина получается любопытная. Въ ней прежде всего представляють интересъ тѣ почти враждебныя отношенія Австріи къ Пруссіи, при которыхъ очевидно дѣйствительно опасный для насъ союзъ между ними былъ невозможенъ. Убѣжденіе Г., который вовсе не былъ, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ его записокъ, безусловнымъ руссофиломъ, что для того, чтобы Пруссіи добиться равноправія въ глазахъ Австріи, нужно ее сначала побить, — заставляетъ предчувствовать неизбѣжность

столкновенія въ 1866 г., и результатъ этого столкновенія для Австріи уже намѣчается въ 1854 г. всѣмъ тѣмъ, что Г: говоритъ объ австрійской арміи. Но тому, что онъ говорилъ, въ Берлинѣ плохо тогда вѣрили, а у насъ того, что онъ сообщалъ въ Берлинъ, очевидно не знали, своихъ же свѣдѣній не имѣли, и угрозы принимались за силу.

П. Н. Исаковъ.

